

«Война забрала у нас детство...»

В военных сводках за 25 января 1944 года среди освобожденных от немецко-фашистских захватчиков пунктов значится железнодорожная станция Антропшино. В нынешнем одноименном районе Коммунара по сей день живут люди, пережившие те страшные дни немецкой оккупации. На этот раз своими воспоминаниями с нашим автором Сергеем Богдановым поделилась Екатерина Петровна Колесникова.

Накануне созвонились с Екатериной Петровной, договорились о времени встречи, и вот я в гостях у коренного жителя Антропшино Колесниковой Екатерины Петровны. И снова задаю вопросы пожилому человеку, прошу поделиться рассказом о пережитом в такой непростой жизни. Спрашиваю, с тревогой заглядывая в глаза собеседнику. Всё ли хорошо, может мне лучше уйти? Сегодня, слава Богу, всё хорошо. Слезы были... не проходит ни одна моя встреча со стариками без слёз.

«С ногами беда, шутка ли, уже девяносто отметили, целую неделю принимала поздравления. Видите, вся комната в букетах», — добрая улыбка появилась на лице моей собеседницы. Не забывают родные Екатерину Петровну. Сын из Москвы регулярно приезжает, внучка за стеной живёт. И администрация города помнит, пришли к уважаемому человеку, поздравили с юбилеем.

«Папа был коренным жителем Антропшино, а жили мы напротив кладбища, дом номер тридцать. Дом был большой, пятистенок. В доме с нами жили два маминых брата Пётр и Сергей. Одному два окна, другому два. А наша семья жила в большой кухне.

Бомбили нас в сорок первом сильно, горели дома, гибли и люди, и скот. Бросали бомбы немцы на станцию, доставалось и нам. У нас на два дома был выкопан бункер, там и прятались. Помню, как под деревьями на кладбище остановился обоз с ранеными. Наши уже отступали. Налетели немецкие самолёты, много тогда погибло и сестричек, и наших раненых. Когда наступил голод, мы с мамой ночью ходили на кладбище, с мёртвых лошадей срезали мясо. Попала бомба и в наш сарай, убило нашу коровушку Зореньку.

Папу забрали на второй день, остались горевать мама, сестричка Тася шести лет, и я. Десять мне исполнилось в тот год. Помню, как отступали наши. Видела, как поднимали руки, выбрасывали белый флаг. Пришли немцы, побили в деревне весь скот, курей да гусей. Муж, тоже местный и тоже был вывезен с родными в Прибалтику, рассказывал, что однажды выстрелил из рогатки в немца, который

проезжал мимо его дома на мотоцикле. Тот бросился догонять парнишку. Хорошо, что парень не в дом забежал, а под крыльцо догадался спрятаться. Не нашёл его немец, иначе застрелил бы. У мамы валенки забрали, очень немцы морозов боялись. Мама на чердаке прятала нашего солдата, не стал сдаваться. Ушёл однажды ночью. Голодали мы страшно, все завшивели. Выпрашивали у немцев кусочек хлеба. Немцы строили дорогу на Коммунар через поле. Разбирали дома, брёвнами мостили дорогу. Из карьера привозили камни, а люди молотками их разбивали. И меня мама брала на работу с собой. Ведь там давали кусочек хлеба за работу. Хорошая была дорога, широкая. Это уже после войны, когда стали проводить мелиорацию, её и порушили. А дорога, сегодня уже грунтовая, и сейчас в деле, и машины иногда ездят, и люди в Коммунар ходят.

Помню чёрные тела на виселице посреди деревни. В лесу немцы солдат поймали, и повесили. Они долго висели. Часто с мамой мимо проходили, я очень пугалась, хватала маму за руку. Легче жить стало, когда в деревню пришли испанцы. Они над людьми не издевались. Бывало, что и хлеб свой отдавали деткам нашим. Как они детей любили. Если есть у него в кармане конфета, обязательно подзовёт малыша: «Маленький, иди сюда!» и угостит. Сестру они спасли от смерти, она уже умирала от голода. До их прихода мы ели траву. Мама копала хрен, вымачивала его, добавляла клевер и пекла лепёшки. Весёлые были испанские солдаты, очень любили старинные иконы. У мамы были такие, испанец просил маму отдать, не отдала. Сильно испанцев потрепали наши на фронте. «Ой, муче русские сердитые!». Решило командование отправить их на родину. Нашего парнишку, помню только его имя, Борис, помогал испанскому повару на кухне, увезли с собой в Испанию.

А в сорок третьем нас загрузили в вагоны и повезли, как оказалось, в Латвию. Высадили на какой-то станции, тут нас и разбирали местные, увозили на свои хутора. Мама с двумя маленькими девочками попала к хорошим хозяевам. Бабушка наша Наталья, умерла от голода ещё дома, в сорок втором. Мама работала, ели мы за одним столом с хозяевами. Наконец были сыты. Но не долго так было, война снова нас догнала. Наши войска наступали, немцы нам приказали собираться снова в дорогу. На этот раз невольников хотели вывезти в Германию, но оказались мы в Курляндском котле. Теперь бомбили уже наши самолёты, многие погибли тогда».

Дрожащий голос, на глазах слёзы... Екатерина Петровна посидела несколько минут молча, и продолжила: «Угнали нас немцы в лес, жили в каких-то землянках, по подушкам ужи ползали. Кормили баландой гнилой. Опять загнали в вагоны, привезли куда-то, оказались в пустом свинарнике. И там стали нас бомбить. Я очень боялась, и мама прятала меня в большой бак, в нём варили еду свиньям, и закрывала крышкой. Очень я боялась воя самолётов. Налетят ночью, развесят фонари, можно иголки собирать, и бомбят, и бомбят. Страшно было очень. А потом пришли наши, отправили нас на станцию, почему-то я хорошо запомнила название именно этой станции — Галич. Может потому, что здесь уже были наши, и не было слышно воя

самолётов и разрыва бомб? Там нас осмотрели врачи, взрослых допрашивали. Откуда привезли, где и у кого работали. И в мае сорок пятого мы одними из первых вернулись в родное Антропшино.

Вернулись мы, наверное, в середине мая сорок пятого. Помню, что успели посадить картошку. Не знаю, где мама взяла семенную картошку на посадку. Высадили нас из товарного вагона на станции в Павловске, мама пошла пешком в Антропшино. Мы и до войны всегда пешком в Павловск ходили. Пошла узнать, как наш дом, да и жила у нас в душе надежда, что папа уже вернулся с войны, и ищет нас. Вернулась мама в слезах. На папу, Киселёва Петра Николаевича, пришла похоронка, и дома нашего больше нет. Разобрали дом, а брёвна из стен немцы пустили на строительство дороги к фронту.

Нашли мы место, где упокоился наш отец. Воевал он на Ленинградском фронте, договорились они с однополчанами, что тот, кто выживет, найдёт родных погибших. Нашёл маму папин однополчанин, рассказал, как умер отец. Когда прорвали блокаду, их часть отправили на отдых, а совсем слабых и больных положили в больницу Мечникова. Солдаты были истощены. В извещении о смерти было написано, что он умер от ран. Не было ран. Было истощение от голода. Нашли мы и место его захоронения. Пискарёвка, второй ряд, первая могила от монумента «Мать-Родина». В архиве маме вынесли три большие тетради, сказали: «Ищите, может, и повезёт. Умирало много, даже бумаги порой не хватало, чтобы всех записать». Маме повезло, нашла. И на памятнике у нас в Коммунаре есть его фамилия — Киселёв П. Н.

До войны закончила два класса, а в сорок пятом сразу в четвёртый взяли. Было тяжело, надо было помогать маме. На старом месте она строила маленький домик, надо было ездить в лес за брёвнами. Домик был маленький, метров двадцать. Стояла кровать, диванчик. Мамин брат печку сложил. Закончила семь классов, тридцать семь лет отработала на железной дороге. Вышла замуж, переехала вот в этот дом к мужу. Тут и живу, в доме, который стоит на прогоне, по которому я бегала в школу в посёлок Коммунар.

Вот такая моя жизнь. Не было у нашего поколения нормального детства, война его забрала. Познали мы чувство страшного голода, совсем детьми лишала нас проклятая родных и близких людей. До конца дней наших будем слышать во сне вой бомбардировщиков в ночном небе, страшные разрывы бомб. Да и после войны мало хорошего видели. Работали и работали».

Попрощались с Екатериной Петровной здесь же, в комнате. «Проводить не могу, уж извини, ноги подводят». Поблагодарил за рассказ о прожитом и пережитом, договорились быть на связи. Екатерина Петровна пообещала, если возникнет необходимость в чём-то помочь, позвонить. Возвращался домой по дороге через поле. По дороге, в основании которой где-то глубоко лежат те камни из карьера, что десятилетняя Катя разбивала молотком в годы оккупации родной деревни. Работала,

чтобы не умереть с голоду. За работу немцы давали хлеб. Уже давно та дорога превратилась в узкую грунтовку, и пользуются ей только местные жители. Зарос и превратился в канаву противотанковый ров, что тянется по этому же полю. Наверное, и мама Екатерины Петровны тоже тут работала, надеясь, что не дойдёт враг до её дома. Ещё одна судьба, ещё один рассказ о прошлом земли нашей. Хочется верить, что слова ЗНАЕМ, ПОМНИМ, ХРАНИМ не окажутся пустым звуком. Будем помнить!

Беседовал Сергей Богданов

Опубликовано в газете «Комминфо» № 2 (956) 27 января 2022 г.